

Въ старину церковь проводила разумное учение Христа въ жизнь міра; каждое явленіе міра питалось имъ и росло. Но церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде бессознательно вливались въ человѣчество черезъ церковь. «Люди должны вновь поднять тотъ свѣтъ, которымъ они жили, но который скрытъ былъ отъ нихъ, и высоко поставить его передъ собой и людьми, и сознательно жить этимъ свѣтомъ... Не дѣлайте только того, что дѣлаетъ теперь весь нашъ европейскій міръ: жить, и не считать разумной свою жизнь, дѣлать и не считать разумными свои дѣла, не вѣрить въ свой разумъ, жить несогласно съ нимъ»<sup>5)</sup>).

Итакъ, заключаетъ Толстой, Христось показалъ, что любовь людей между собой не есть цѣль, къ которой они должны стремиться, «но есть ихъ естественное состояніе, то, въ которомъ рождаются дѣти, по словамъ Его, и то, въ которомъ живутъ всегда всѣ люди до тѣхъ поръ, пока состояніе это не нарушается обманомъ, заблужденіемъ, соблазнами»<sup>6)</sup>).

Рѣшивъ, что необходимо исполнять заповѣди Христа, Толстой понялъ, что нельзя гордиться своимъ гнѣвомъ, разжигать его, а слѣдуетъ признавать виновнымъ одного себя и искать примиренія съ тѣми, кто вызвалъ гнѣвъ. Съ переменной міровоззрѣнія, говоритъ онъ, все то, что считалось прежде хорошимъ и высокимъ «почести, слава, образованіе, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, виѣшнихъ пріемовъ— все это стало для меня дурнымъ и низкимъ; мужичество, неизвѣстность, бѣдность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, пріемовъ— все это стало для меня хорошимъ и высокимъ»<sup>7)</sup>).

Толстой рѣшилъ, что всякое оставленіе мужчины или женщины, сошедшихся въ первый разъ, и есть тотъ самый разводъ, который Христось запрещаетъ людямъ: оставленные супругами, мужья и жены вносятъ развратъ въ міръ. Самое строгое единобрачіе составляетъ естественный законъ человѣчества. Нѣтъ основанія различать между соединеніемъ людей, которое называется бракомъ, и тѣми, которымъ не даютъ этого названія. «То, что прежде мнѣ казалось самымъ хорошимъ, говоритъ Толстой,— утонченная, изящная жизнь, страстная и поэтическая любовь, восхваляемая всѣми поэтами и художниками,— все это представилось мнѣ дурнымъ и отвратительнымъ. Наоборотъ, хорошимъ представилось мнѣ: трудовая, скудная, грубая жизнь, умѣряющая похоть;